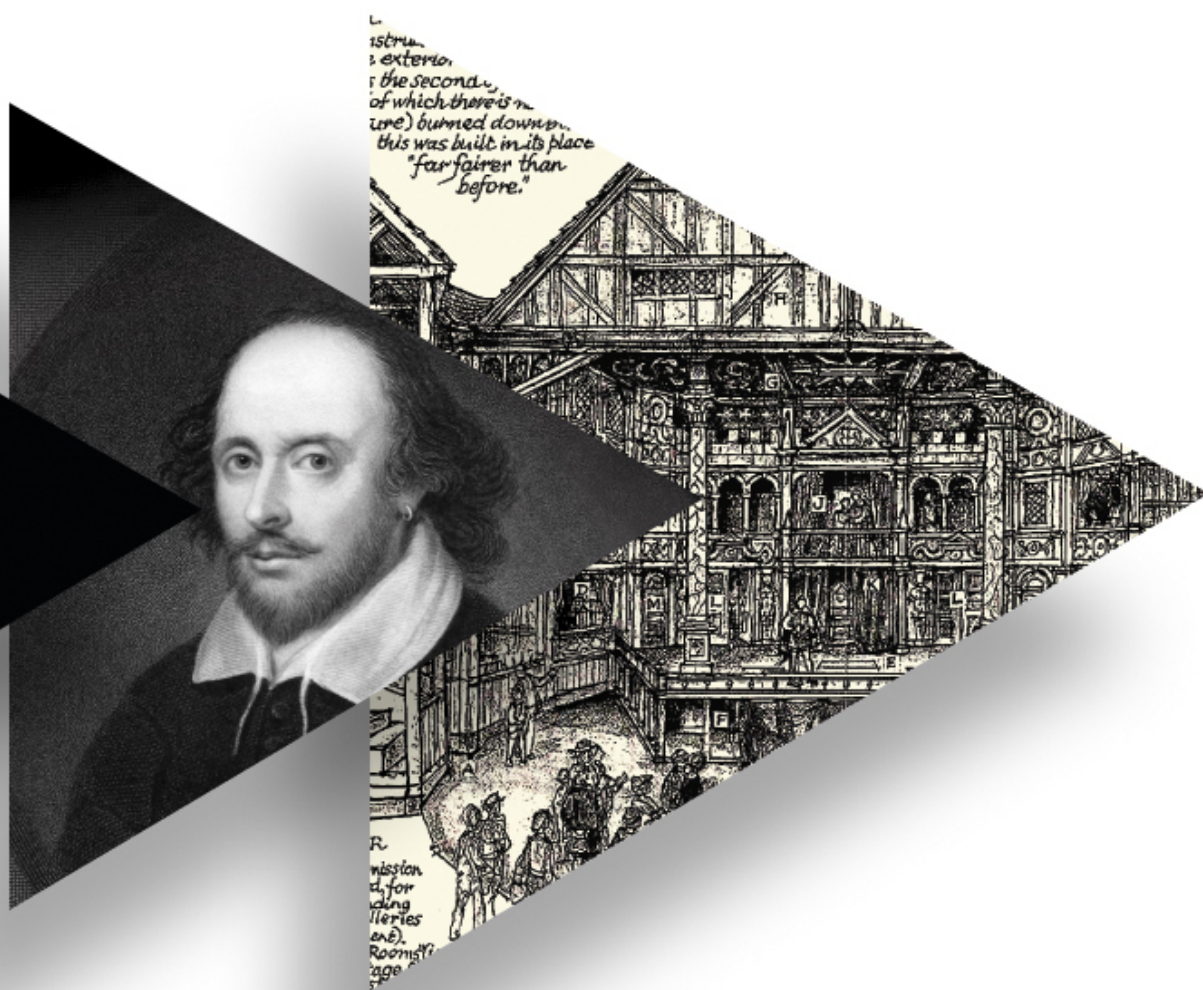

лекции **PRO**

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

О. В. Разумовская

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

ЧЕЛОВЕК НА ФОНЕ КУЛЬТУРЫ
И ЛИТЕРАТУРЫ

ЛекцииPRO

Оксана Разумовская

**Уильям Шекспир. Человек на
фоне культуры и литературы**

«РИПОЛ Классик»

2018

УДК 821.0
ББК 83.3

Разумовская О. В.

Уильям Шекспир. Человек на фоне культуры и литературы /
О. В. Разумовская — «РИПОЛ Классик», 2018 — (ЛекцииPRO)

ISBN 978-5-386-12171-6

Каково это – быть Шекспиром? Жить в елизаветинской Англии на закате эпохи; сочинять «по наитию», не заботясь о славе; играючи заводить друзей, соперников, покровителей, поклонников, а между делом создавать величайшие тексты в мировой литературе. Об этом и других аспектах жизни и творчества самого известного – и самого загадочного драматурга пишет в своей книге О. В. Разумовская, специалист по английской литературе, автор многочисленных исследований, посвященных Шекспиру. Не вгоняя своих читателей в тоску излишне академическими изысканиями, она предлагает свежий и полный любопытных деталей обзор эпохи, породившей величайшего гения. Последовательно воссоздавая детали творческого и жизненного пути Шекспира в культуре и литературе, этот курс лекций позволяет даже неподготовленному читателю составить о Шекспире представление не только как о сочинителе, но и как о личности, сформировавшейся под воздействием уникальной эпохи – английского Ренессанса. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.0
ББК 83.3

ISBN 978-5-386-12171-6

© Разумовская О. В., 2018

© РИПОЛ Классик, 2018

Содержание

Предисловие	6
Пролог	10
Шекспировская Англия. Династия Тюдоров	10
Акт I	18
1. Шаксперы деревенские и городские	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Оксана Разумовская

Уильям Шекспир. Человек на фоне культуры и литературы

Предисловие

Писать об Уильяме Шекспире – увлекательная, но неблагодарная работа. Кажется, все, что касается этого великого драматурга, уже сказано, и неизбежен риск скатиться в банальность или удариться в мифотворчество и биографические спекуляции в надежде достичь хоть какой-то оригинальности. В современном мире имя Шекспира стало почти нарицательным. Мы говорим о шекспировских страстях, шекспировской трагедии, шекспировских злодеях, едва ли подразумевая непосредственный первоисточник всего этого. Шекспир для нас уже больше персонаж, чем персоналия, он давно стал символом поэтического гения, драматургии, английского Ренессанса – и, шире, английской литературы, – а также воплощением загадки и мистификации. Один из аспектов образа Шекспира – его выраженная и закрепленная в веках «английскость», тесная связь с набором клише, представляющих вклад Англии в мировую культуру, – позволяет поместить его в массовом сознании где-то на одном уровне с четверкой «Битлз», принцессой Дианой и Гарри Поттером. При этом над произведениями Шекспира пространственно-временные ограничения давно уже не властны, его творчество принадлежит всему человечеству и составляет неотъемлемую часть мирового культурного наследия. Представители разных культур и эпох находят в произведениях Шекспира импульс для собственного творчества, например, шотландская трагедия «Макбет» не только вдохновила Николая Лескова на написание «Леди Макбет Мценского уезда» (1864), но и послужила источником для таких разных экранизаций, как «Трон в крови» (1957) Акиры Кurosавы и голливудская драма «Макбул» (2003) индийца Вишала Бхарадваджа.

При всей своей известности автор «Гамлета» и «Двенадцатой ночи» разительно отличается от других признанных классиков с «громкими» именами, чьи произведения составляют основу университетских программ. Шекспир кажется более «народным» и демократичным, его статус поэта-самородка, практически самоучки, провинциала, пробившего себе дорогу на сцену большого города, придает его образу особую притягательность в глазах широкой аудитории. Его известность в современном мире превосходит популярность даже самых «раскрученных» звезд кинематографа и литературы. Регулярно появляющиеся новые сценические версии и экранизации шекспировских пьес, театральные фестивали имени Шекспира, издания с роскошными иллюстрациями – все это свидетельствует о живой и непреходящей славе английского драматурга. Никакой другой классик не может похвастаться такими тиражами: согласно рейтингам многих издательских домов, Шекспир уверенно занимает первую строчку по количеству опубликованных экземпляров его сочинений. Празднования двух великих дат (450 лет со дня рождения Шекспира в 2014 году и 400 лет со дня смерти Шекспира в 2016-м) были отмечены творческими и научными мероприятиями международного масштаба и являются еще одним подтверждением того, что Шекспир – не просто покрытое пылью имя на библиотечном фолианте.

Благодаря комиксам, мультипликационным фильмам по мотивам его произведений, вольным экранизациям с переносом действия в другие эпохи и страны о Шекспире знают даже те, кто не считает себя большим поклонником серьезной литературы. Шекспир настолько знаменит, что из категории авторов перешел в категорию персонажей, став героем многочисленных фильмов, романов и пьес. Среди самых известных примеров – романтическая трагикоме-

дия «Влюбленный Шекспир» (1998) и историческая драма «Аноним» (2011), а также романы «Книга воздуха и теней» Майкла Грубера и «Псевдоним (б). В поисках Шекспира» Даниэля де Труа. Отдельного упоминания заслуживают беллетризованные биографии и научно-популярные сочинения о Шекспире таких знаменитых писателей современности, как Энтони Берджесс («Влюбленный Шекспир»), Питер Акройд («Шекспир» и «Лондонские сочинители»), Эрленд Лу («Органист»).

Итак, Шекспир – одновременно символ, персонаж и бренд. Но что скрывается за этим многогранным образом? Почему из множества его знаменитых собратьев по перу именно уроженцу маленького провинциального города, никогда не покидавшему пределы Англии, не придумавшему ни одного сюжета для своих произведений, выпала посмертная слава, превосходящая все мыслимые ожидания? Прижизненная известность драматурга значительно уступала той популярности, которая его ожидала в веках, и не обещала такого поворота судьбы – напротив, Шекспир нередко оказывался в тени более маститых соперников, в которых зрители-современники видели живых классиков (как это было с Беном Джонсоном¹). Земная слава интересовала Шекспира куда меньше, чем, к примеру, другого претендента на роль величайшего поэта Англии, Джона Милтона², с детства готовившего себя к стезе лауреата, избранника Муз. В отличие от Милтона, Шекспир не оставил своим читателям ни дневников, ни трактатов, в которых делился бы своими взглядами на искусство. Более того, он даже не позаботился о прижизненном издании своих пьес, и знаменитое *Первое фолио*³ появилось на свет только через семь лет после его смерти, в 1623 году. Казалось бы, сам драматург даже не догадывался о той посмертной славе, которая была ему уготована, – он просто жил и творил, подчиняясь в этом лишь голосу своего поэтического гения (но не забывая о насущных нуждах и земных потребностях).

Современному читательскому сознанию непросто принять тот факт, что человек со столь неприятными жизненными установками и ничем не примечательной биографией сумел выразить в своем творчестве идеи и образы, сохраняющие свою актуальность уже пятое столетие. Скучность и противоречивость фактических сведений о жизни Шекспира в сочетании с завораживающей многогранностью и глубиной его произведений дают богатую пищу не только для академических изысканий, но и для псевдонаучных спекуляций. Однако полемика по поводу шекспировского вопроса и «сенсационные» открытия, выдвигающие все новых кандидатов на роль автора, не помогают современным читателям приблизиться к пониманию феномена Шекспира. Наоборот, его мифологизация или попытки найти более подходящую кандидатуру на роль автора «Гамлета» и «Отелло» лишает образ Шекспира цельности, он перестает восприниматься как историческая фигура и тем более личность. Псевдолитературоведческая игра «найди (придумай) своего кандидата в Шекспир» приводит к тому, что образ драматурга распадается, превращается в поле для экспериментов и домыслов, своего рода филологиче-

¹ Бенджамин Джонсон (1572–1637) – современник Шекспира, крупнейший поэт и драматург английского Возрождения. Современники высоко ценили его произведения, а некоторые поклонники его творчества объединились в неофициальное течение под названием «Клан Бена». Бену Джонсону принадлежит ряд критических замечаний о Шекспире, с которым он был лично знаком и состоял в отношениях дружбы-соперничества.

² Джон Милтон (1608–1674) – один из величайших писателей Англии, автор выдающихся лирических и драматических произведений, а также большого количества памфлетов и трактатов на религиозную и политическую тематику. Вершина его творчества – грандиозная эпическая поэма «Потерянный рай» (1667).

³ Первое фолио – принятое название посмертно изданного сборника шекспировских пьес, подготовленного коллегами драматурга по театральной труппе Джоном Хемингом и Генри Конделлом. Слово «фолио» обозначало издание «в поллиста», в отличие от «карманных» форматов пиратских изданий («кварто»). В Первое фолио Шекспира были включены тридцать шесть пьес (отсутствовала драма «Перикл»). Хотя Шекспир не успел принять участие в работе над сборником, опубликованные в Первом фолио тексты считаются наиболее близкими к оригиналу версиями, так как Хеминг и Конделл сами играли в шекспировских пьесах еще при жизни автора. Почти все изданные до 1623 года произведения Шекспира были в формате «кварто», а их тексты подверглись значительным искажениям.

ский конструкт, отдаляясь тем самым от простых читателей, не вооруженных академическим багажом знаний (а Шекспир, вероятнее всего, писал именно для такой аудитории).

Еще одно препятствие, отделяющее современную аудиторию от подлинного понимания творчества Шекспира, – своеобразие языка драматурга, которое практически невозможно оценить и прочувствовать в переводе, хотя и для англоговорящих читателей тексты Шекспира требуют исторических и языковых комментариев и объяснения некоторых метафор и каламбуров. Даже школьникам, наверное, уже известен тот факт, что словарь драматурга насчитывал около восемнадцати тысяч слов, часть которых он придумал сам. Многие из его неологизмов успешно закрепились в повседневной речи и сейчас не вызывают подозрений в своем «художественном» происхождении (например, прилагательное *fashionable*, существительное *watchdog*, глагол *to humour*).

Богатство шекспировского словаря подпитывалось не только за счет удачных языковых экспериментов и окказионализмов, но и благодаря использованию различных пластов лексики – медицинской, юридической, научной, просторечной, – а также умению автора в каждом слове распознать и выявить его внутреннюю форму и потенциальную многозначность, обыграть их. К сожалению, ни один, пусть и самый одаренный, переводчик не может в полной мере сохранить всю красоту и изящество шекспировской словесной игры при передаче на другой язык. Бесчисленные попытки переводов, предпринятых на протяжении трех столетий в разных странах, показывают, что в поэзии Шекспира есть некий не поддающийся перекодировке компонент. Мы можем говорить о более или менее удачных переводах, о приближении к красоте и поэтичности оригинала, о созвучности шекспировскому стилю, и все же прочувствовать подлинную красоту шекспировского слога можно лишь на языке самого автора. Подобный феномен имеет также место в случае с Гете, А. С. Пушкиным, С. Есениным и другими великими поэтами, чье творчество возросло на благодатной почве народной культуры и родного языка.

Однако Шекспира отделяет от современного читателя не только языковой барьер. Многие нюансы его творчества обусловлены культурно-историческим своеобразием елизаветинского периода, в который довелось жить драматургу. Это было яркое и противоречивое время, вместившее в себя и темное наследие недавнего Средневековья с его войнами, эпидемиями, голодом, и расцвет ренессансного гуманизма, и раскол страны и всей Европы вследствие Реформации. Образ королевы Елизаветы – притягательной, властительной, женственной – осязает собой целую эпоху, и без знакомства с ее личностью, так же как с фигурами многих ее подданных – фаворитов, придворных поэтов, политиков, – наше представление о Шекспире как о человеке своего времени будет неполным.

Современный читатель должен отдавать себе отчет в том, что в эпоху Шекспира и Елизаветы люди иначе относились к жизни, иначе учились, дружили, развлекались, по-другому видели мир, нежели наши современники. Как меняется наше восприятие некоторых трагедий, к примеру, когда мы узнаем, что сам Шекспир ни разу не видел (и, возможно, даже не представлял себе) на сцене Офелию, Джульетту, леди Макбет в исполнении актрис! При жизни автора (и еще примерно тридцать лет после его смерти) все женские роли играли молодые актеры. Какой потенциал для шуток и двусмысленностей это создавало в комедиях, связанных с переодеваниями и подменами! Виола в «Двенадцатой ночи» во времена Шекспира была не просто девушкой, переодетой в юношу, но юношей, игравшим девушку, переодетую в юношу, – сможет ли зритель в наши дни уловить все нюансы авторской задумки, все своеобразие шекспировского комизма, не зная подобных деталей? А виртуозность (даже, возможно, некоторую избыточность) этого мотива в комедии «Как вам это понравится», в которой актер, игравший Розалинду, переодевался в юношу Ганимеда и, обещая исцелить Орlando от любви, карикатурно изображал перед ним его возлюбленную, то есть – опять же – Розалинду? Недостаток представления о жизни англичан в тот период может сослужить плохую службу современному читателю, еще больше отдалив от него шекспировские тексты.

Несмотря на вышеперечисленные трудности, связанные с преодолением языковых, культурных, исторических барьеров, Шекспир кажется обманчиво знакомым и понятным (возможно, по причине многочисленных экранизаций, а также эпизодическому включению некоторых его произведений в школьную программу). Мнимая доступность Шекспира связана также с его вневременной актуальностью и востребованностью в массовой культуре. Однако эти особенности его гения не отменяют факта его принадлежности определенной национальной традиции и историческому периоду, без понимания которых мы не сможем постичь некоторые «отправные», изначальные аспекты его произведений и творчества в целом. Вне исторического контекста Шекспир открывается читателям не целиком, не во всей полноте и масштабе своего дарования, оставляя свои подлинные сокровища в тени. По этой причине ни одно исследование о Шекспире не может считаться исчерпывающим и закрывающим тему, но каждое новое высказывание о Барде рассеивает частицу мрака, по воле времени и истории укрывающего его творения от человечества.

Пролог

Шекспировская Англия. Династия Тюдоров

Восхищаясь ренессансным великолепием елизаветинской Англии, трудно поверить, что родина Уильяма Шекспира встречала XVI век в довольно плачевном состоянии. Не так давно закончилась гражданская война с поэтичным названием «Война Роз», и ее отголоски – человеческие потери, пережитые англичанами тревоги, страх повторения – будут преследовать соотечественников Шекспира еще не одно десятилетие. В произведениях самого драматурга мы нередко услышим эхо той кровавой распри, расколовшей английскую аристократию на два непримиримых лагеря, а Шекспир в исторических хрониках напрямую обращается к недавнему прошлому своей страны, пытаясь проанализировать ошибки бывших правителей и, по возможности, предостеречь нынешних. Как мы знаем из истории, не все его предупреждения были услышаны...

Точкой отсчета новой истории Англии, отделяющей страну от средневековых событий и обещающей близкий расцвет, можно считать воцарение на английском престоле первого из династии Тюдоров, Генриха VII (1457–1509). Мать будущего монарха, Маргарита Бофорт, принадлежала к побочной ветви семьи Ланкастеров, восходившей к союзу Джона Гонта и его любовницы, а его отец, 1-й граф

Ричмонд, был, по сути, незаконнорожденным, поэтому Генрих вряд ли мог рассчитывать на получение английского престола по праву наследования. Однако война внесла свои коррективы, и Генрих, подобно Вильгельму Завоевателю, добыл свою корону в битве при Босворте в 1485 году. Его противником был печально знаменитый Ричард III, которому Шекспир посвятил одну из своих исторических драм, на все последующие столетия закрепив за ним статус злодея-детоубийцы.

Генриху досталась страна, ослабленная многолетними войнами и междоусобными распрями, опустошительными эпидемиями и крестьянскими восстаниями. После стольких испытаний народ Англии жаждал стабильности и уверенности в завтрашнем дне, и Генрих сумел оправдать эти ожидания своих подданных, хотя бы отчасти. Его брак с дочерью Эдварда IV, принцессой Елизаветой, фактически объединил семьи Ланкастеров и Йорков, окончательно примирив враждующие стороны.

Хотя Генрих добыл корону с оружием в руках, проливая кровь врагов, его правление стало периодом относительного спокойствия, а сам он прослыл довольно миролюбивым и дальновидным монархом, заботившимся о процветании своей страны. За неполные двадцать четыре года своего царствования Генрих значительно укрепил благосостояние Англии и ее положение в Европе, а также заложил основы сильной армии и флота, впоследствии прославивших своими победами его внука Елизавету. Однако основатель династии Тюдоров был далек от образа блистательного ренессансного монарха, покровительствовавшего искусствам. Он был мелочен, подозрителен и алчен. Скупость Генриха VII доходила до патологических масштабов; он создал систему налогообложения, способствовавшую увеличению его личного состояния, но ощутимо отягощавшую жизнь его подданных. Его внутренняя политика также была неоднозначна – он стремился к ограничению политического влияния наследного дворянства, для чего была создана особая судебная организация (Звездная палата), исключавшая возможность вмешательства представителей высших сословий в правосудие. Подобные меры укрепляли власть короны, но вызывали недовольство среди аристократов, обремененных огромными

налоговыми выплатами. Однако по числу бунтов или восстаний период правления Генриха VII значительно уступает царствованию его сына, Генриха VIII, и внуки – Елизаветы I⁴.

Несмотря на некоторые свои недостатки (скупость, подозрительность, предвзятое отношение к аристократам), Генрих VII был, возможно, именно тем правителем, которого так не хватало Англии после периода опустошительных войн и междоусобиц⁵. Страна смогла вздохнуть спокойно, хотя плату за это спокойствие пришлось взять на себя наиболее состоятельному сословию. Знати, опасавшейся за свой кошелек, сложно было представить, какие плоды может принести политика Генриха в долгосрочной перспективе, поэтому в высшем обществе все чаще раздавался глухой, но отчетливый ропот, вызванный эдиктами и указами короля-скупца, короля-стяжателя.

Последние годы жизни Генриха были омрачены личными потерями, неблагоприятно сказавшимися на душевном состоянии и нраве монарха. В 1503 году после неблагополучных родов умерла его любимая супруга, королева Елизавета, за которой вскоре последовала новорожденная дочь. Придворные были поражены глубиной и силой скорби, охватившей овдовевшего короля. Он практически отказался от общения с подданными, оставил Тауэр и в течение долгого времени допускал к себе лишь детей и мать. Хотя вопрос о его повторном браке неизбежно возник по истечении времени и Генрих даже рассматривал несколько претенденток на роль новой королевы, он так и умер безутешным вдовцом.

Возможно, душевные силы Генриха были подорваны безвременной смертью его старшего сына и наследника Артура, на которого король возлагал большие надежды. Принц, получивший имя в честь своих далеких кельтских предков, слыл многообещающим юношей и даже успел сыграть свою роль в одной из политических кампаний своего отца, связанных с укреплением отношений между Англией и Испанией и упрочением статуса Англии в Европе. Участие Артура в этом проекте сводилось к женитьбе на испанской принцессе Катарине Арагонской, дочери Изабеллы I и Фердинанда II. Принц беспрекословно принял решение отца соединить его с «перспективной» невестой, но едва ли успел в полной мере насладиться всеми радостями супружества. В возрасте пятнадцати лет он скоропостижно скончался, оставив после себя скорбящих родителей, растерянную юную вдову и обескураженных придворных советников обеих держав, вынужденных решать вопрос, как следует поступить с Катариной, замужество которой было сопряжено с серьезными обязательствами как с испанской, так и с английской стороны. В результате долгих переговоров, сомнений и дебатов было принято решение объявить брак Катарини и Артура недействительным (под предлогом того, что молодожены не успели надлежащим образом вступить в супружеские отношения), а инфанту выдать замуж за младшего брата Артура – Генриха по достижении им брачного возраста⁶. Это был роковой союз, имевший немало драматических последствий как для династии Тюдоров, так и для всей Англии.

В один и тот же год – 1509-й – юный Генрих стал не только мужем, но и королем, унаследовав престол после смерти своего отца. «Король-зима», скупец и крючкотвор, каким Генрих VII представлялся своим подданным, сменился на троне «весенним» принцем, юным и пре-

⁴ Хотя, разумеется, два восстания непокорных жителей Корнуолла, известные как восстания корнцев, в 1497 году доставили Генриху VII немало волнений.

⁵ Дед Елизаветы оказался единственным из английских Генрихов, которому Шекспир не посвятил отдельного драматического произведения. Героями его исторических пьес выступали Генрих IV, Генрих V, Генрих VI и Генрих VIII, а также короли Иоанн Безземельный, Ричард II и Ричард III, так что интерес драматурга к монархической теме не вызывал сомнений. Основатель династии Тюдоров фигурирует в качестве второстепенного персонажа в третьей части хроники «Генрих VI», где изображен благородным и вызывающим всеобщее уважение юношей, на которого придворные и сам король возлагают большие надежды. Коль силы тайные вешают правду Пророческому духу моему. Красивый этот мальчик принесет Благословение родной стране. В его чертах – спокойное величие, И создано чело носить корону, Рука державой править; суждено Ему со временем престол украсить. Его, милорды, чтите: он рожден Исправить вред, что мною причинен. (Пер. Е. Бируковой)

⁶ Невеста была старше потенциального жениха, и на момент бракосочетания ей было уже двадцать четыре года, а Генриху едва исполнилось восемнадцать.

красным (Генрих VII умер в апреле, и англичане обрели нового монарха в начале лета). Подданные приветствовали очередного Тюдора ликованием и связывали с его правлением большие надежды, которые ему не суждено было оправдать.

На заре своего царствования Генрих VIII (1491–1547) казался живым воплощением духа новой эпохи, идеальным монархом Ренессанса. Молодой король был привлекателен, полон энергии, желаний и амбиций, образован, наделен разнообразными талантами и сильным характером. Однако годы, проведенные на троне, образно говоря, превратили прекрасный апрель в знойный август, а затем в ненастный и мрачный ноябрь. В характере Генриха стали стремительно проявляться отталкивающие и опасные как для самого монарха, так и для его подданных черты: вспыльчивость, гневливость, расточительность, необузданность желаний. Его брак с Катариной оказался несчастливym. За двадцать лет супружества королева смогла дать жизнь только одному ребенку – дочери, получившей имя Мария и во взрослом возрасте дополнившей его эпитетом «Кровавая». Прочие беременности Катарины заканчивались преждевременно и неудачно. Генриху, заставшему отголоски Войны Роз и опасавшемуся ее повторения, было трудно примириться с мыслью, что он не может обеспечить Англии наследника престола. Каждая беременность Катарины, заканчивавшаяся потерей ребенка, укрепляла в Генрихе мысль о «проклятии», лежащем на его браке с вдовой Артура. В поле его зрения все чаще оказывались молодые привлекательные фрейлины, жаждавшие снискать монаршего расположения, и у принцессы Марии вскоре появились незаконнорожденные братья и сестры (хотя Генрих признал только одного из них – сына своей любовницы Бесси Блаунт, получившего титул герцога Ричмондского).

К тому моменту, когда возраст и здоровье королевы сделали для нее продолжение рода невозможным, в голове Генриха VIII уже прочно обосновался замысел развестись с разочаровавшей его супругой и дать Англии новую королеву, а с ее помощью и долгожданного наследника. Свой выбор он уже давно остановил на Анне Болейн, представительнице родовитого аристократического семейства, выполнявшей роль фрейлины при французской принцессе и лишь недавно вернувшейся на родину. Слухи приписывали ее старшей сестре, Марии Болейн, длительную любовную связь с Генрихом, однако Анна была умна и проницательна и не желала довольствоваться ролью королевской наложницы. В течение продолжительного периода она удерживала влюбленного в нее монарха на расстоянии, искусно разжигая его страсть своими отказами. Однако в 1533 году, когда архиепископ Томас Кранмер аннулировал брак Генриха и Катарины, признав законным супружеский союз короля и Анны Болейн, новая королева была уже в положении, и в сентябре того же года разрешилась от бремени девочкой, крещенной под именем Елизавета. Ни родители новорожденной принцессы, ни ее будущие подданные не подозревали, что эта рыжеволосая малышка станет в свое время величайшей правительницей из всех Тюдоров, а возможно, из всех, кто вообще когда-либо восседал на английском престоле.

Для Генриха рождение еще одной дочери стало серьезным ударом, ведь он заплатил огромную цену за возможность получить от Анны Болейн законного наследника. Папа Римский отказался признать законным развод короля с Катариной и его новый брак. Генрих проигнорировал предписание Ватикана вернуться к первой супруге и был отлучен от церкви. Пожалуй, еще ни один монарх в Европе не приносил таких жертв ради любви, однако Генрих уже не был тем романтическим и куртуазным принцем, которым англичане восхищались после его восшествия на престол. Его разрыв с католической церковью не был спонтанным, необдуманным поступком. Папская булла об отлучении фактически развязывала королю руки, и он не преминул примкнуть к нараставшему в Европе движению Реформации, объявив себя главой протестантской церкви в собственной стране.

Возникшая в результате столь драматических обстоятельств англиканская церковь была от подлинного протестантизма чуть ли не дальше, чем от католицизма, да и самого Генриха на тот момент почти не интересовали учение Лютера и богословские аспекты Реформации.

Зато разрыв с Ватиканом позволил ему иначе расставить акценты в международной политике Англии, а главное – воспользоваться новообретенной властью внутри страны и присвоить все богатства монастырей и церквей, разграбленных и разрушенных по его приказу. Для государственной, а больше всего для личной казны Генриха это было очень своевременное пополнение. Присущая королю склонность к расточительству, помноженная на расходы молодой королевы, еще не утратившей расположение царственного супруга, вела Англию к неминуемому разорению. Анна Болейн держала огромный штат прислуги, была законодательницей придворной моды и обожала пышные светские мероприятия. Расходы на блестящий образ жизни Анны, ее наряды и балы усугублялись амбициями самого Генриха, который не хотел уступать другим европейским монархам в роскоши и великолепии двора и приглашал в Англию самых знаменитых архитекторов, художников и музыкантов. За время правления Генриха VIII было построено несколько великолепных замков и королевских резиденций, среди которых – сохранившийся до наших дней Сент-Джейм-ский дворец. Чтобы отреставрировать и усовершенствовать другой дворец, служивший местом официальных приемов и проведения праздников – Уайтхолл, – Генрих пригласил известного фламандского художника и топографа Антона ван ден Вингарда (1525–1571). В ходе переделки Уайтхолл разросся настолько, что превзошел по площади и количеству комнат даже Ватиканский дворец и обзавелся такими нововведениями, как корт для тенниса, крытая арена для турниров и площадка для спортивных игр.

Ни придворные увеселения, ни блестящие приемы, возглавляемые Анной Болейн, ни дорогостоящие подарки, которыми осыпал ее король, не могли скрыть того факта, что второй брак Генриха оказался еще менее удачным, чем первый. Однако в отличие от Катарины, которая коротала свои дни в монастыре, Анна не собиралась держаться в тени венценосного супруга и пыталась решать политические и финансовые проблемы государства наравне с королем, а иной раз и в обход него. От стремления участвовать во всех монарших делах ее не удержала даже вторая беременность, окончившаяся, к разочарованию и гневу Генриха, неудачей. Третья попытка Анны подарить супругу долгожданного наследника тоже не увенчалась успехом. При этом молодая королева вела себя неосмотрительно и дерзко, продолжала тратить государственные средства на свои бесчисленные капризы, окружила себя привлекательными молодыми придворными, не замечая, как над ее красиво причесанной и богато украшенной головкой нависла зловещая тень.

Устав от капризов Анны и ее строптивного нрава, разочарованный король забыл когда-то сжигавшую его страсть и начал строить планы по избавлению от супруги. В его арсенале был уже проверенный вариант с разводом, однако Анна своей неосмотрительностью и легкомыслием добилась куда более радикального финала ее супружеской жизни с Генрихом: ей было предъявлено обвинение в государственной и супружеской измене, а также в кровосмесительной связи с родным братом, входившим в ее свиту. До своего последнего дня Анна отрицала все обвинения, как и ее предполагаемые любовники – молодые дворяне, разделявшие увлечение королевы музыкой и танцами. Большинство историков склоняются к тому, что все улики против Анны были сфабрикованы, и на эшафот в Тауэре ее привели собственное легкомыслие, амбиции ее мужа и политические интриги. Анне Болейн было на момент казни не более тридцати лет, а ее дочери едва исполнилось два года.

Женившись в третий раз – на своей фаворитке Джейн Сеймур, – Генрих дождался появления столь желанного сына и поспешил объявить Елизавету, как и ее старшую сестру Марию, незаконнорожденной. Англия с размахом праздновала появление на свет принца Эдуарда, а юным принцессам оставалось лишь молиться о сохранении собственных жизней и оплакивать своих матерей. Джейн Сеймур не успела толком освоиться в роли матери, мачехи и королевы, как ее не стало (как считается, по причине родовой горячки). Генрих женился еще трижды, отчасти повторив схему прежних браков. С четвертой женой, голландской принцессой Анной, он развелся, пятую – Катерину Говард – приказал казнить по тому же обвинению, что и Анну,

хотя на этот раз вполне обоснованно, а шестая, Катерина Парр, пережила своего супруга, но умерла во втором браке от родильной горячки, как и Джейн Сеймур. Англичане едва успевали привыкнуть к очередной жене монарха, как она исчезала из их жизни навсегда.

Правление самого «женолюбивого» короля Англии, чья семейная жизнь напоминала сказку о Синей Бороде, оставило в истории страны неоднозначный след. Несколько войн, опрометчиво затеянных Генрихом еще в молодости, принесли Англии больше потерь, чем приобретений (в частности, утрату почти всех территорий во Франции, когда-то захваченных предшественниками Генриха в ходе Столетней войны). Чтобы обеспечить блестящую жизнь двора и удовлетворить амбиции короля, всем сословиям приходилось платить огромные налоги, поэтому ропот недовольства звучал все чаще и все отчетливее. В ряде областей Англии, больше всего на севере, произошло несколько крестьянских восстаний, однако всем было понятно, что за народными бунтами и другими формами выражения недовольства Генрихом и его политической стоят дворяне.

Многие представители аристократии были возмущены разводом короля с Катариной Арагонской и возведением на престол его любовницы Анны Болейн. Разрыв с католической церковью усугубил гнев консервативно настроенной знати и привел к масштабному восстанию, известному как «Благодатное паломничество»⁷. Как и многие другие решения короля, принятие протестантизма имело для страны противоречивые последствия. Монарха мало волновали духовные аспекты этого движения – его больше интересовали финансовые и политические возможности, которых можно было ожидать в результате разрыва с Римской церковью и получения клерикальной «автономии». Непоследовательность и неполнота Реформации в Англии привела к появлению протестантов «второй волны» – пуритан елизаветинского и яковианского периодов, которые были более рьяными и фанатичными сторонниками церковных реформ, чем современники Генриха.

Сосуществование католиков и протестантов при Тюдорах трудно назвать гармоничным и бескровным. Перевес в одну сторону и притеснение другой всегда зависели от того, какой монарх восседал на троне. Короли-англикане Генрих VIII и Эдуард VI сменились Марией-толичкой, в свою очередь уступившей престол убежденной протестантке Елизавете. Жизнь англичанина XVI века очень зависела от того, какое вероисповедание он выбирал. К примеру, Уильям Шекспир принадлежал к протестантской церкви, хотя есть предположение, что он сам или его отец тайно исповедовали католицизм, – и в этом биографы видят причину неурядиц, преследовавших Джона Шекспира и его семью в разные периоды жизни.

В 1550 году, когда Джон Шекспир покинул отцовскую ферму в Сниттерфилде и переехал в Стратфорд, на английском престоле восседал король-подросток, гордость своего отца и надежда нации Эдуард VI (1537–1553). Благородный и образованный юноша не унаследовал жестокого и вспыльчивого нрава своего отца. Молодой король постигал науку управления государством под началом опытных педагогов и философов-гуманистов и искренне надеялся принести благо своему народу. Он обещал со временем превратиться в рассудительного и мудрого правителя, и англичане благословляли Эдуарда, однако проклятие рода Тюдоров – или, что более вероятно, плохая наследственность и низкий уровень медицины – в очередной раз заявили о себе⁸.

Молодой король умер на шестнадцатом году жизни (как и его дядя Артур) и был искренне оплакан своим народом. Для Англии снова наступили непростые времена. Согласно воле Эду-

⁷ «Благодатное паломничество» началось в октябре 1536 года и продлилось несколько месяцев, после чего было жестоко подавлено. Лидеры бунта, среди которых было немало дворян из родовитых семейств, были казнены. Историки считают это восстание самым крупным за период правления Генриха VIII.

⁸ Генрих Фицрой, единственный официально признанный сын из всех внебрачных детей Генриха VIII, также умер довольно молодым, едва достигнув возраста семнадцати лет. Как и в случае с Эдуардом, причиной смерти стало легочное заболевание.

арда (навязанной ему на смертном одре придворными советниками), на трон должна была взойти внучка Генриха VII, леди Джейн Грей. Далекая от политики, лишенная собственных амбиций и покорная воле родственников, юная графиня стала королевой на рекордно короткий срок – девять дней, после чего была арестована и заключена в Тауэр, а через несколько месяцев обезглавлена по приказу получившей власть Марии Тюдор. Казнь шестнадцатилетней Джейн Грей, ставшей в народном сознании протестантской мученицей, была лишь одним из кровавых эпизодов трагического для Англии периода царствования старшей дочери Генриха VIII.

Мария-католичка отомстила англичанам за каждую свою бессонную ночь, проведенную в страхе и тревоге, за каждую слезу, пролитую ее матерью, за каждого изгнанного или казненного католика. Непродолжительное царствование Марии было, пожалуй, самым мрачным периодом за всю историю тюдоровской Англии. Брак с испанским принцем Филиппом, война с Францией, жестокие казни протестантов – все ее решения вызывали у англичан бурю негодования и гнева. Страна была на грани масштабного мятежа, который не остановили бы даже костры инквизиции, полыхавшие на всех площадях Лондона. Однако до открытого восстания не дошло: после тяжелой болезни, усугубленной страданиями от разбитого сердца и осознанием собственных ошибок, Мария умирает, смирившись с тем, что на престоле ее сменит юная Елизавета. Она так и не стала своей в этой стране, принесшей ей и ее матери столько горя и разочарований. Мария является единственной королевой, которой англичане не установили ни единого памятника.

Семнадцатого ноября 1558 года жители Англии отмечали двойной праздник, и сложно сказать, что радовало их больше – смерть Марии, которую вся страна боялась и ненавидела, или восшествие на трон Елизаветы. Если бы в тот памятный день англичане знали, какие головокружительные победы они одержат под предводительством новой королевы, какие блистательные имена прославят ее правление, они бы встречали Елизавету с еще большим ликованием и энтузиазмом. Период царствования младшей дочери Генриха VIII вошел в историю как Елизаветинская эпоха, что говорит о тесной связи всех достижений и триумфов этого времени с фигурой самой Елизаветы – дальновидной, осмотрительной правительницы, искренне преданной своему народу и ставившей интересы Англии не ниже собственных, в отличие от ее предшественников.

От Генриха VIII Елизавета унаследовала сильный характер и негибкую волю, масштабность политических амбиций и умение окружать себя умными и полезными людьми – без отцовской жесткости, вспыльчивости и неблагодарности, без неумения ограничивать себя в желаниях. Анна Болейн одарила дочь выразительной внешностью и обаянием, живым и гибким умом и способностью завоевывать сердца. Немаловажным вкладом в будущее благополучие самой Елизаветы и ее подданных было искреннее принятие молодой королевой заветов протестантской веры, которой, с разной степенью убежденности, придерживались ее родители. Но не все «дары» Анны и Генриха оказались благословением для юной Елизаветы. Трагическая история их союза и последующих браков короля, безвременная гибель матери и одной из мачех на эшафоте, смерть другой мачехи после родов – все это оставило в душе Елизаветы глубокий след и сформировало стойкое предубеждение против супружества. Объявив себя «замужем за Англией», Елизавета на протяжении всей жизни сохраняла парадоксальный статус королевы-девственницы и одновременно «матери английского народа», не чуждаясь при этом плотских утех в объятиях фаворитов.

Образ прекрасной королевы еще при жизни Елизаветы превратился в символ процветания Англии, ее Золотого века. Простой народ любил Елизавету и по-детски восхищался ею, подданные – некоторые даже искренне – воспевали ее мудрость и красоту, иностранные послы поражались ее дальновидности и незыблемости ее авторитета у подданных. Флирт с некоторыми европейскими монархами (включая эпизод сватовства Ивана Грозного), поощрительный интерес сразу к нескольким претендентам на руку и сердце королевы без выраженного

предпочтения, умение держать женихов на точно отмеренном расстоянии позволяли Елизавете искусно лавировать в бурном море внешней политики и по возможности избегать открытых конфликтов.

Идеализированное изображение Елизаветы, воспевание ее красоты стало одной из ведущих тем английской поэзии и, шире, искусства этого периода. Многочисленные портреты королевы, созданные выдающимися живописцами, любовные сонеты, в которых Елизавета предстает то недостижимой возлюбленной, то небесной покровительницей, то воплощением всех возможных добродетелей, в совокупности создают образ одной из самых выдающихся женщин в истории Европы. Королева-дева, Артемида, Астрея – и одновременно воплощение женственности и соблазна, рыжеволосая искусительница, из-за которой многие теряли голову, и не всегда в переносном смысле⁹, – такой предстает Елизавета в зеркале искусства своего времени.

Историки также дают неоднозначную оценку ее правлению, не отрицая при этом значимости и дальновидности принятых ею решений и политики в целом. Чарльз Диккенс, питавший неприкрытую антипатию к представителям династии Тюдоров, пишет в своем труде «История Англии для юных»: «Королева была честолюбива, ревнива, к тому же терпеть не могла женатых мужчин и замужних женщин... Умная, но вероломная и лживая, она к тому же унаследовала отцовскую вспыльчивость. Первыми своими успехами она была во многом обязана умному и осторожному министру, сэру Уильяму Сесилу»¹⁰.

Нельзя отрицать одного: при Елизавете практически все виды искусств в Англии достигли невиданного расцвета. Получив всестороннее образование под руководством выдающихся педагогов-гуманистов, королева деятельно покровительствовала наукам и искусствам, поощряла открытие новых школ и развитие университетов. При ней театр из придворной забавы для избранных или примитивного площадного увеселения превратился в профессиональную и стремительно совершенствующуюся отрасль искусства – актеров перестали преследовать как бродяг, появились первые стационарные театры, драматургия как вид сочинительства вышла на новый уровень. При дворе Елизаветы собрались наиболее одаренные поэты, музыканты и живописцы. История литературы этого периода представляет собой книгу с золотыми страницами, в которую навеки вписаны имена Эдмунда Спенсера, Филиппа Сидни, Кристофера Марло, Френсиса Бомонта и Джона Флетчера, Бена Джонсона – и, конечно, Уильяма Шекспира.

В шекспироведении образу Елизаветы и ее месту в жизни Шекспира отводится особое место. В контексте «конспирологических» теорий, которыми славится анти-стратфордский лагерь, Елизавета выступает то непосредственным заказчиком шекспировских пьес, то прототипом некоторых персонажей, то тайной покровительницей и даже настоящей матерью драматурга. Существует также авантюрная гипотеза, что Елизавета и была «Шекспиром», то есть писала под этим псевдонимом произведения, не имея возможности представить их публике под собственным именем.

Оставляя без комментариев экзотичность и степень обоснованности этих версий, следует все же отметить, что Елизавета действительно сыграла очень существенную роль в жизни Шекспира, оказывая покровительство его труппе. Своим интересом к театральному искусству, прямым финансированием нескольких трупп, поощрением искусства в целом Елизавета способствовала тому, что в ее правление драматургия, как и поэзия, переживали истинный золотой век. Неудивительно, что в этот благоприятный для творчества период, вдохновляемый монаршей благосклонностью и подстегиваемый духом (не всегда) здорового соперниче-

⁹ Несколько фаворитов Елизаветы были казнены, как, например, граф Эссекс (1565–1601), обвиненный в государственной измене.

¹⁰ Пер. Т. Бердиковой и М. Тюнькиной.

ства, сформировался шекспировский гений, ставший высшим художественным воплощением английского Ренессанса.

Акт I

Над водами Эйвона

1. Шаксперы деревенские и городские

Итак, отправная точка нашей истории (и она же финальная) – Стратфорд-на-Эйвоне, маленький английский городок, расположенный на берегах живописной реки. Факт рождения в Стратфорде такой звезды, как Шекспир, не изменил радикально ни его историю, ни его демографию: во времена королевы Елизаветы население города составляло около полутора тысяч жителей, а сейчас насчитывает примерно двадцать тысяч человек, то есть Стратфорд остается маленьким провинциальным городком и в наши дни. При этом каждый год в апреле количество обитателей Стратфорда резко возрастает за счет туристов и театралов. Статистика гласит, что родину Шекспира ежегодно навещают два с половиной миллиона человек. Что же влечет в Стратфорд этот нескончаемый поток посетителей, многие из которых ни разу в жизни не открывали томик с пьесами Шекспира? Можно предположить, что на первом месте – желание прикоснуться к великой загадке и найти ответ на вопрос: есть ли какая-то энергетическая связь между географическим топосом и возникшим в его границах гением? Влияет ли на развитие и формирование гения окружающая обстановка, природа, климат и культура родного края?

Место появления на свет великого человека, оставившего свое имя в истории, обладает в глазах поклонников его таланта особой притягательностью и статусом, близким к сакральному. В природном ландшафте местности и архитектурном облике города, подаривших миру значительного писателя или художника, в интерьере его родного дома, в его семейном окружении мы невольно ищем объяснение тому, что среди других сынов и дочерей этого места именно он был избран для особого пути, отмечен печатью выдающегося таланта. То, что мы называем «малой родиной», выполняет функцию своего рода кокона или скорлупы, под покровом которых растет и зреет гений. Визит на родину кумира сродни паломничеству, только посетитель приобщается откровению не религиозному, а биографическому. Впрочем, банальное любопытство к частной жизни знаменитостей тоже играет немалую роль в создании того потока туристов, который каждый год наводняет тихие улицы Стратфорда.

Учитывая скудость и фрагментарность наших знаний о жизни Шекспира, мы готовы цепляться за мельчайшие детали его прошлого, семейной истории, родственных отношений, чтобы прочувствовать Шекспира как личность, понять его характер и темперамент, исток его таланта и вдохновения. Однако Стратфорд в этом отношении скорее разочаровывает посетителей, ищущих ответа на свои каверзные вопросы. Это тихое и живописное местечко, описанное в путеводителе времен королевы Елизаветы емкой формулой *emporium non inelegans*¹¹, сохранило практически без изменений свой средневековый облик и ауру. При Шекспире это был торговый город, населенный преимущественно ремесленниками и купцами, заметно оживающий к четвергу – дню еженедельной ярмарки. Право проводить базары было даровано жителям Стратфорда еще королем Ричардом Львиное Сердце в 1196 и активно используется по настоящий день.

Родина Шекспира не может похвастаться большим количеством достопримечательностей, хотя церковь Святой Троицы и часовня Гильдии привлекают не только «шекспирофилов», но и поклонников старинной архитектуры. Пространственной и символической доминантой города во времена юности Шекспира являлся каменный мост, построенный еще в XV

¹¹ «Городок, не лишенный элегантности».

веке местным феодалом и благотворителем Стратфорда сэром Хью Клоптоном (1440–1496). Эта солидная конструкция с четырнадцатью арками, заменившая шаткий полуразрушенный деревянный мост, стала не только способом связи городка с «большим» миром, и особенно со столицей, но и символом новых горизонтов и перспектив, ожидающих амбициозных уроженцев Стратфорда на противоположной стороне реки. Сам Клоптон подал согражданам пример карьерного взлета, в 1491 году получив пост лорд-мэра Лондона. Возможно, не без оглядки на этого легендарного выходца из Стратфорда, по Клоптонскому мосту в столицу отправились многие земляки Шекспира, в частности его соученик Ричард Филд, с которым судьба еще сведет будущего драматурга в Лондоне, а также сам Уильям и его братья – Гилберт, занявшийся торговлей, и Эдмунд, ставший актером. Этот же мост станет частью последнего пути Шекспира: по нему он вернется на родину, чтобы больше ее не покидать до самой смерти.

Хотя символическое толкование географических локаций едва ли можно назвать серьезным биографическим подспорьем для шекспироведа, трудно удержаться от искушения найти в самой топонимике родных мест Шекспира намеки на особое «энергетическое» богатство долин Уорикшира, взрастивших столь великого поэта. Так сложилось, что в названиях, с детства окружавших Шекспира, зашифрована идея движения, перемещения: слово *straat* в переводе с древнеанглийского означало «улица», а также «дорога»; второй корень, *ford*, имел значение «брод, переход», *avon* же просто кельтское слово для обозначения реки. И в топографии (река, мост, дорога), и в топонимике (дорога, река, переправа) родных Шекспиру мест сошлись воедино несколько мотивов движения, породив динамический импульс, воспринятый самым знаменитым и одаренным уроженцем этих мест. Останься Шекспир нечувствителен к этому намеченному самим ландшафтом вектору, проживи он свою жизнь, подобно многим своим землякам, в полусонном городишке, в окружении родственников, приятелей и соседей, мы вряд ли читали бы когда-нибудь трагические и возвышенные страницы «Гамлета» или «Короля Лира». А родился Шекспир в Лондоне, эти страницы могли быть отмечены большим лоском и мастерством, но лишились бы части пронзительной силы и искреннего чувства, составляющих неотъемлемую часть шекспировской поэтической магии.

Фамилия «Шекспир», в нашем сознании принадлежащая одному-единственному человеку, в средневековой Англии была скорее распространенной, чем редкой. Помимо привычного нам «академического» написания «Шекспир» (*Shakespeare*), английские словари насчитывают десятки вариантов, нередко относившихся к одним и тем же людям. Один из биографов Шекспира, Э. К. Чэмберс, обнаружил целых восемьдесят три версии этой фамилии. В XV–XVI веках правописание в английском языке только проходило процесс унификации, постепенно освобождаясь от влияния нормандского и французского языков, а в начертании имен собственных и вовсе трудно было ожидать какого-то единообразия. Тем не менее в приходских хрониках Уорикшира, начиная с середины XIII века, можно периодически встретить упоминание об однофамильцах Шекспира или его пращурах, будь они «Шаксберы» или «Шейкстафы». Дед Шекспира по линии отца, Ричард Шекспир, в записях 1533 года обозначен как *Shakstaff*, а в 1541 году именуется в документах уже *Shakeshafte*. Его сын Джон подписывался двенадцатью разными вариантами своей фамилии.

Ричард Шекспир (1490–1561), первая более-менее отчетливая фигура в шекспировской семейной истории, появляется в поле зрения биографов в 1525 году, когда поселяется в качестве арендатора на землях мелкопоместного дворянина Роберта Ардена (?-1556), деда Шекспира с материнской стороны. О самом Ричарде известно немного – он прожил жизнь честного фермера, вырастил по меньшей мере двоих детей и умер за три года до рождения Уильяма, оставив своим сыновьям неплохое по меркам того времени наследство, которым Джон (старший) и Генри (младший) распорядились по-разному. Генри был «паршивой овцой» в почтенной и трудолюбивой семье. Большинство упоминаний о дяде Шекспира в церковных и судебных записях касаются наложенных на него многочисленных штрафов и вызовов в суд, как

минимум один из которых закончился для дебошира тюремным сроком. Подобные вещи нельзя утверждать с уверенностью, особенно в случае с Шекспиром, но нам трудно удержаться от предположения, что этот мятежный и беспокойный характер впоследствии послужил драматургу источником вдохновения для создания некоторых его персонажей.

Джон Шекспир (1531–1601) был, вероятно, не менее энергичным и деятельным человеком, чем его брат-бунтарь, но его энергия была направлена в иное русло. Отец Шекспира был амбициозным и предприимчивым человеком. Покинув отцовскую ферму, он направился в Стратфорд, находившийся в трех милях от Сниттерфилда, и поступил в ученики к кожевеннику (и по совместительству перчаточнику). Пройдя обучение по ускоренной программе (возможно, благодаря дружеским связям и деловым знакомствам), Джон довольно быстро обзавелся своим предприятием и, вероятно, собственным жильем, что говорит о быстром финансовом подъеме бывшего фермера. Одна из первых записей о нем в Стратфордских анналах свидетельствует о наложенном на него штрафе «за оставление кучи мусора» перед домом (в нарушение требования складывать бытовые отходы в общую свалку). Денежное наказание было назначено Джону Шекспиру как владельцу недвижимости на Хенли-стрит – того самого дома, который в настоящее время является одной из остановок в паломническом маршруте для туристов, то есть «родового гнезда» самого Шекспира. Едва ли ученик перчаточника мог позволить себе собственный дом, так что в 1552 году, в котором была сделана запись о назначении штрафа, Джон Шекспир уже был процветающим предпринимателем. Не менее стремительно развивалась и его карьера в местном самоуправлении. Через три года после приезда в Стратфорд он получает должность «контролера пива», которую обычно доверяли только самым респектабельным и честным горожанам. Впоследствии Джон также исполнял – в разное время – должности констебля, казначея, олдермена, бейлифа и мирового судьи – все они подразумевают высокий статус кандидата и его незапятнанную репутацию у горожан.

Со своей будущей женой, Мэри, Джон Шекспир был знаком, вероятнее всего, с ранней юности. Она была младшей из восьми дочерей Роберта Ардена, у которого отец Джона арендовал ферму, и принесла мужу неплохое приданое, включавшее усадьбу в Уилмкоте и небольшой земельный надел. Мэри происходила из обедневшего дворянства, и сам факт женитьбы показывает, что Джон Шекспир занимал очень высокое положение в Стратфорде, еще более укрепившееся посредством брака. Возможно, родовитое происхождение жены подпитывало амбиции самого Джона, загоревшегося идеей получить дворянский титул. В любом случае, эти факты противоречат ошибочному, хотя и живучему представлению об Уильяме Шекспире как о неотесанном мужлане, выходе из среды мелких ремесленников и крестьян. Будучи сыном мелкопоместной дворянки и, говоря современным языком, предпринимателя и общественного деятеля, Шекспир, вероятно, видел в детстве что-то еще, кроме чанов с замоченными шкурами и сумрачных сводов отцовской лавки, как это любят изображать анти-стратфордианцы¹².

Запись о дате бракосочетания Джона Шекспира и Мэри Арден не сохранилась, но большинство историков склонны относить это событие к 1557 году. Из приходских архивов известно, что в 1558 году молодая чета обрела и вскоре потеряла своего первого ребенка – дочь, названную Джоанной. Младенческая смертность в те годы была столь велика, что это печальное событие едва ли могло считаться исключительным и повторилось в семье Шекспиров как минимум еще один раз – в 1563 году, когда умерла вторая дочь Уильяма и Мэри, четырехмесячная Маргарет. В тот год в Уорикшир пришла чума, которая свирепствовала еще несколько месяцев, и можно представить себе тревогу и опасения четы Шекспиров, у которых в апреле 1564 года родился третий ребенок – сын Уильям. Возможно, временный переезд Мэри с малы-

¹² Сторонники теории утверждают, что произведения, известные нам как шекспировские, были написаны другим, более родовитым и образованным человеком – лондонским аристократом или, по крайней мере, ученым (кандидатуры варьируются). Одна из анти-стратфордианских версий рассматривает человека по имени Уильям Шекспир как «ширму» для «подлинного» автора; другая вообще отрицает существование такого биографического лица, как Шекспир.

шом за город сыграл свою роль, или эпидемия пошла на спад, но всем почитателям творчества Шекспира в глубине души импонирует мысль, что рука Провидения спасла маленького Уилла от ранней смерти, приготовив ему куда более завидную и удивительную участь.

Существует своего рода биографическая легенда, касающаяся точной даты рождения Шекспира. В архивах церкви Святой Троицы, где крестили и отпевали почти всех Шекспиров в XVI веке, есть запись о крещении Уильяма, сына Джона, и она датируется 26 апреля. По традиции, ребенка крестили в первые три дня жизни, но это правило не всегда соблюдалось буквально, так что у биографов был выбор как минимум из трех дат, в которые Уильям мог появиться на свет – 23, 24 и 25 апреля. Предпочтение было оказано 23-му числу как наиболее вероятному и, кроме того, наделенному определенным символизмом. В этот день чествуют святого Георгия, покровителя Англии, и этот праздник органично вписывается в представление о шекспировском гении как квинтэссенции всего английского, как о наиболее яркой манифестации английского духа. Этот безобидный биографический подлог, или скорее допущение – со временем приобрел статус официальной версии.

В 1565 году удача улыбнулась чете Шекспиров – чума пощадила и младенца, и родителей, а Джон получил очередное повышение – должность олдермена (через два года он станет еще и бейлифом). Это вершина его общественной и политической карьеры, и она отражает его безупречную на тот момент репутацию. В Англии XVI века бейлифы выполняли очень разнообразный набор функций в рамках самоуправления и были наделены значительной властью. Они вели переговоры с местными феодалами, выполняли работу мировых судей, инспектировали базары по четвергам и ярмарки, устанавливали цены на ряд продуктов, таких как зерно и пиво, и контролировали процесс их производства и реализации.

Джон Шекспир, как бейлиф, также следил за выделением из городской казны средств на разные общественные нужды, в том числе и на оплату представлений, разыгранных гастролерами в Стратфорде театральными труппами. Именно по его приказу и за его подписью в 1569 году были выделены средства для уплаты за пьесу «Комедиантам королевы» (не самой блестящей труппе своего времени; они были отлучены от двора по причине вопиющей бездарности). По традиции, семья бейлифа присутствовала на представлении, поэтому есть все основания предполагать, что Шекспир смог познакомиться с завораживающим миром лицедейства задолго до своего переезда в Лондон. С 1569 по 1587 год в Стратфорде состоялось двадцать четыре выступления различных театральных коллективов, и трудно поверить, чтобы сын крупного городского чиновника не попал ни на одно из них. Хотя Лондон от Стратфорда отделяло полторы сотни километров, столичный театральный «бум» докатывался и до тихого провинциального городка. Приезжавшие гастролеры давали представления в тавернах или на постоянных дворах¹³, но могли выступать и в здании городской администрации, прямо над помещением, где шли уроки для школьников «среднего звена». Собственная труппа появилась в родном городе Шекспира только в 1583 году. Один из ее участников, Дэвид Джонс, был женат вторым браком на кузине жены Шекспира, так что приходился ему если не родственником, то свояком, и мог познакомить будущего драматурга с «изнанкой» своей непростой, но увлекательной профессии.

До жителей Стратфорда не могли не дойти отблески того великолепия, с которым проводились представления в честь визита королевы Елизаветы в Кенилворт, поместье ее фаворита Роберта Дадли, в 1574 году. Празднества длились более двух недель, с 9 по 27 июля. Театрализованная часть программы была придумана и воплощена в жизнь плеядой придворных поэтов и музыкантов, самым известным из которых был Джордж Гэскойн¹⁴. Кенилворт нахо-

¹³ Распространенная среди английских трупп этого периода практика, сошедшая на нет после появления стационарных театров. Самыми популярными площадками в Стратфорде были постоянные дворы «Медведь» и «Лебедь». Собственный театр появился на родине Шекспира только в XVIII веке, и то в виде временной постройки для празднования юбилея Барда.

¹⁴ *Джордж Гэскойн* (1535–1577) – представитель раннего английского Возрождения, один из первых поэтов елизаветин-

дился всего в 12 милях от Стратфорда, и многие земляки юного Уильяма преодолевали это расстояние пешком, чтобы полюбоваться блеском и пышностью королевских увеселений. Едва ли мальчики школьного возраста, у которых в июле еще шли занятия, допускались до посещения праздника, но отголоски этого знаменательного события не могли не звучать на улицах и площадях провинциального городка, в беседах покупателей в лавке Шекспира-старшего, в разговорах на школьной перемене. Возможно, эти моменты соприкосновения с миром театра предопределили впоследствии выбор жизненного пути не только Уильяма, но и последовавшего за ним в Лондон младшего брата Эдмунда, чья актерская карьера прервалась в самом начале по причине ранней смерти.

Однако в 70-х годах лондонская богема и театральные подмостки могут пока являться Уильяму разве что в грезах. Повседневная жизнь английского школьника второй половины XVI века состоит из унылой рутины, монотонной зубрежки и страха наказания. Грамматическая школа, которую посещали ровесники Шекспира по всей Англии, была второй ступенью школьного обучения и следовала за школой для малышей (*petty school*),

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.